

Письма в редакцию

КАК НАМ ПЕРЕДЕЛАТЬ РОССИЮ ВО ФРАНЦИЮ

Философский фельетон

“Ах! Франция! Нет в мире лучше края!”

Классик

“Россия еще там?”

Из французской прессы

Общеизвестно, что французы, как и почитатели Франции во всем мире, весьма высокого о себе мнения. Они, французы и иже с ними, — носители и хранители универсальных начал, идеалов гуманизма, свобод, равенства, братства, разума и — увы! — терпимости. Варварство — это удел всех тех, кто не способен “офранцузиться” и выйти, наконец, на столбовую дорогу, или, по-петровски, “прешпект” цивилизации, а то и просто приступить к строительству “нормального” общества. При этом как-то не принято вспоминать, что у русских, например, тоже есть своя культура: сады, огороды, бани, попы, черный хлеб, папиросы, иконы, ракеты, Пушкин, Достоевский, Чайковский, Владимир Соловьев, Циолковский, вообще интеллигенция, включая вшивую “что делать и кто виноват”, не говоря об общеизвестных хлебосольстве и “культе питания”. Из вещей высокой моды — “от кутюр” у нас гоголевская “Шинель”, а из права — Закон Божий. Это ведь все непреходящие ценности, хотя, вероятно, и не вполне “нормальные”.

Но французы, аутентичные и доморожденные, упорно не хотят или уже не могут отказать другим народам в метафизическом прыжке с пальмы или, в нашем случае, из придорожной канавы прямоиком в освежающие и расслабляющие воды бассейна декаданса и прав человека (такой “трюк” в марксистско-ленинской литературе назывался “минувя тысячелетия”). Здесь, как они полагают, нам нет преград. Ведь все мы — и русские, и французы — проживаем в центре мироздания — Европе; все мы — дети греко-римской цивилизации.

Коль скоро речь зашла об античных истоках французской и русской цивилизаций, нам вполне позволительно поразмышлять по-античному, т. е. аполлонистически телесно и осязаемо. Французы унаследовали от Рима, правда, слегка разбавленными и раздолбанными предками-варварами, государственность, города, дороги, порты, поля, виноградники,

право, религию и церковь; мы — гордую двуглавую птицу, лозунг “Москва — третий Рим” и склонность к триумвиратам (особенно в быту).

Вместе с тем некоторые знатоки античности утверждают, что в Москве, где-то в районе Кузьминского лесопарка, к югу от пивбара у кинотеатра “Высота”, куда (в пивбар) любил заглянуть Дмитрий Иванович Менделеев, расположена могила римских воинов (предположительно, пятого македонского легиона). Однако достоверность этих сведений полностью на совести кузьминских краеведов. Одним словом, нам не досталось даже развалин античности, т. к. Ольвия и Херсонес отошли к Украине и отныне принадлежат другой цивилизации.

И все же мы близки! Где еще, у каких других народов столько общего или похожего в истории и современности? Вот лишь немногие из тех исторических параллелей русско-французских соответствий, что приходят на ум: русская правда — романское право; воля — свобода; крестьяне — пейзажи; народ — нация; государство — это Он, а там “государство — это я”; бабушка на скамейке (рентген) — гражданское общество; развитый социализм — пятая республика; русский декаданс — французский прогресс (или наоборот?); культурно-исторический тип — цивилизация; чесальщица пяток — продавец собачьего дерьма (“фольклорные” профессии); несчастные — преступники; похмелье — “деревянная рожа”; хрущобы — аш эль ам (жилье несостоятельных или несостоявшихся французов); Печорин — Квазимодо (тоже “лишний” человек и романтический герой); большевики — якобинцы; меньшевики — жирондисты; Тамбовщина — Вандея; базаровщина — вольтерьянство; Владимир Высоцкий — Жак Брель; Одесса-мама — Марсель-папа; нацмены — алжирцы и “лица африканской национальности”; крестьяне думского мордобоя — культура парламентского скандала; блат — “система д”; “500 дней” — пять веков.

Хотелось бы также написать пару слов о былом, используя метод знаменитой французской исторической школы “Анналов”, ни в коей мере не похлопывая по плечу классических персонажей русской и французской истории, а лишь пытаясь проиллюстрировать нашу историографическую близость. Так, одни пробивали окно в Европу, другие — на Восток, в Азию. “Царь -челнок” прославился не только модным по тем временам прикидом и частыми ходками на Кукуй, но и организацией первого шоп-тура в Европу, больше известного в исторической литературе как “великое посольство”, в то время как “короли-разбойники” Филипп II и Людовик IX (в учебниках по истории они чаще всего проходят под “ключками” Филипп Август и Людовик Святой), очевидно, отличились в крестовых походах особым христианским бескорытием и человеколюбием.

Однако эпитонство остается особой чертой характера русских французов. Им недостаточно глубинного родства наших исторических судеб — “маловато будет!” Им подавай водку с гнилым французским сыром и шампанское с квашеной капустой.

Не любит, к примеру, русский человек судиться (“судиться — лучше удавиться”, “где суд, там и неправда” и т. п.). Ему же хуже! Не любит полюбит, не хочет захочет, одним словом, жизнь заставит. И заживем мы тогда в “нормальном” обществе, выйдем на большак цивилизации

и прогресса и будем судиться-рядиться, судиться-рядиться до полной и окончательной победы рассудительности в российской жизни.

Нет в России-матушке среднего класса. Дашь российский средний класс — самый средний в мире! Однако как его вычленишь? Поскольку все, пардон, воруют, верхи сколько хотят, низы сколько могут, то, вероятно, российский средний класс — это те, кто воруют, но так себе, средне. И все бы было отлично где-нибудь на Дижонщине или Орлеанщине, но для русского человека, по словам Н. Бердяева, “характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем”. К тому же постулат П. Ж. Прудона о собственности как краже мы зачастую понимаем слишком буквально.

На Руси издревле права и свободы не имеют или отстаивают, а “качают”. Свобода у нас, русских, по меткому замечанию В. О. Ключевского, равнозначна привилегии, льготе. “Тварь я дрожащая или право имею?” — вот вопрос русского правосознания. Ан нет. К черту особенности национального правосознания! Айда в правовое государство! Переплюнем демократии Запада и бюрократии Востока на nive нормотворчества; перетащим к себе весь правовой хлам и из этого “секонд хэнда” сварганим право обновленной России! Обнарудим общезначимый договор Ж. Ж. Руссо в книжке с зычным названием “Договорá”!

В XX веке русские переживают третье в своей истории “фронтальное свидание” с Западом, испытывая новый раскол. Но было бы из-за чего подметки рвать и соротиться, ведь Запад уже не тот! Нет уж хваленой остроты “галльского смысла”, да и сумрачность германского гения изрядно просветлела. На просторах Европы вновь, как в римских цирках, правят партии зеленых да голубых. То здесь, то там орды варваров пробивают бреши в “зоне ответственности НАТО”. Новое пламенное верование, именуемое правами человека, овладевает сердца “евробуржуа”. Слабоумные голосуют, бездарные выставляются, книга становится роскошью, бабы рвутся в священники, лица мужского пола в женщины. Раздачи бесплатного хлеба (система социального страхования) и культурно-массовая работа с электоратом (рок, поп, футбол, судилища, “проблемные” спектакли, пресса, действия на манежах и аренах) в современной Франции вот-вот достигнут размаха мероприятий классической цивилизации. Посредственность торжествует, значит, все “нормально”!

Вместе с тем новейший стадион французской столицы все еще значительно уступает по вместимости римскому *circus maximus*, а французская нация в лице отдельных реакционеров-интеллигентов, не желающих менять веки как перчатки, по-прежнему отстаивает свою “французскость” словом, не хочет в единую Европу, которая отдельным интеллигентам, наверное, шибко напоминает социалистический земной рай, управляемый “еврокухарками” и живущий одной целью и догнать и перегнать Америку.

Однако сегодня массы. *il plebe* Макиавелли, а не разнузданная воля государя, диктуют европейскую моду; и трудно поверить, что основы европейской культуры были заложены при непосредственном участии одной-двух сотен свободных граждан Афин классического периода, т. е.

“демосом” современного дома в парижском пригороде. Причем некоторые историки утверждают, что Рим в 410 году разграбили вовсе не вестготы Алариха, ложе которого вам с удовольствием покажут кузминские краеведы, а граждане Западной Римской империи, тот самый римский народ, потомки доморощенных варваров, что издавна жили в Вечном городе.

Но вернемся, как говорится, к нашим баранам, к “офранцузившейся” России. Уж что нас действительно разделяет с французами, так это французенки. Дело даже не в принципиальном различии русского и французского матриархатов (у нас он ласковый, но авторитетный, а у французов скандально-феминистский). Просто не верится, что французенка способна полюбить трансцендентально, на манер русских дам:

Он уехал, меня не взял.

Я кричала на весь вокзал.

Женева, декабрь 1998 года.

С. Рогожин

ФУНКЦИИ ЗАЩИТЫ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ НЕЗАВИСИМЫМ НОТАРИАТОМ

В номере 9 за 1996 г. “Российской юстиции” была опубликована интересная статья начальника отдела государственного нотариата управления юстиции администрации Томской области Ю. Филимонова “Нотариус — лицо должностное?”. Затронутые в ней проблемы являются отражением тех доминирующих тенденций, которые определяют направление и темпы развития правового государства и реформируемых правоохранительных структур. Предлагая свою статью к публикации в вашем издании, надеюсь на то, что это поможет выявлению дополнительных аспектов поднятой проблемы и их быстрейшему творческому освоению в обществе, государстве, да и на международной арене вообще.

Сколь ни странным это может показаться в современных российских условиях, единственным моральным принципом, дающим реальную возможность развития передовой цивилизации в России, может служить предположение, что индивид в своих решениях руководствуется не чьими-то распоряжениями, а только правилами справедливого поведения. Как писал лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. А. Хайек в своей работе “Общество свободных”, “всеми своими достижениями мы обязаны тому, что индивиду обеспечена возможность создавать для себя защищенную сферу (“собственность”), в пределах которой он волен использовать свои ресурсы для собственных целей. Носители социалистических идей не располагают никакими принципами индивидуального поведения и мечтают о таком положении вещей, к которому не могут привести никакие морально обусловленные действия индивидов”.

Следует помнить, что еще задолго до вмешательства социалистичес-